

КОНТРОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ЗА ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТЬЮ ВЛАСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Круглый стол "ИНФОРМАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ ВЛАСТИ: СИТУАЦИЯ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗЫ"

Елена Волчинская,
Государственная Дума РФ

Объединить усилия

Я не собиралась выступать, но то, что прозвучало в зале, меня к этому побуждает. Я предлагаю начать с доклада господина Раца, который мы практически и не обсуждали. Мне не очень симпатична позиция, когда власть и народ разводятся по разные стороны баррикад. Если мы действительно причисляем себя к демократам, то, наверное, демократия – это, все-таки власть народа, и власть, которую мы имеем, – это та власть, которую мы захотели создать. То есть я предлагаю не снимать с себя ответственности за то, что происходит. И, на мой взгляд, этот тезис очень важный, потому что отсутствие такой ответственности – это и отсутствие давления гражданского общества на власть.

Я не согласна с тем, что государство – это политика, управление и власть. Мне кажется, что структура другая, что власть – это те три ветви власти, о которых уже говорили здесь, то есть власть законодательная, исполнительная, судебная – это и есть структура государства. И плюс общественные институты, профессиональные сообщества и СМИ. То есть то, что является обществом, и то, что у нас очень мало влияет на эту власть. И причина здесь не только в том, что власть не хочет быть открытой, но и в том, что общество не желает осуществлять какие-то усилия для давления на власть. Я имею право так говорить и, если хотите, обижаться на отсутствие этого гражданского давления, потому что я многие годы была с одной стороны и критиковала власть, и критиковала законодательство, и предлагала другие решения, а потом, как ни странно, благодаря этой критике, меня, так сказать, пригласили поработать внутри. И теперь я на своей шкуре знаю, как работает с этой стороны. Поэтому я предлагаю не идеализировать власть (собственно, тут никто ее и не идеализирует), но я предлагаю идеализировать и СМИ. И потому, что СМИ очень часто работают и пишут только о том, за что они, очевидно, получают дивиденды разного рода, и потому, что представители журналистских сообществ совершенно недостаточно участвуют в законотворческой работе.

Какие, собственно, возможности у власти давить на народ? Это решения власти. Какие решения? Решения пяти субъектов: Президент, законодательная власть, Правительство, ведомства, судебная контролирующая власть. А какие возможности у народа? Возможность общества принимать участие в подготовке этих решений и необходимость, вернее, обязанность исполнять эти решения и уже на этой стадии, может быть, тоже влиять на то, что уже создано. Решения различных субъектов существуют в форме законов, указов, постановлений, судебных решений. Реальность такова, что проекты законов, как правило, не публикуются, по крайней мере, они не публикуются в обязательном порядке. Регламентом Госдумы при подготовке законов не предусмотрена экспертиза проектов в общественных организациях или профессиональных союзах. То есть то, что делается, например, в нашем подкомитете по информационной безопасности, это, вообще говоря, добрая воля депутатов и

представителя аппарата.

Практически все наши законопроекты обсуждаются не только на Экспертном совете комитета, но и в разных профессиональных союзах, и где бы я ни выступала, я обязательно об этом говорю и по электронной почте отсылаю проекты и т.д. Однако, например, когда появился проект изменений в Закон "О СМИ", подготовленный в другом комитете, я пришла в ужас, набросала свои замечания, обратилась в Союз журналистов, обратилась в Фонд защиты гласности, в течение месяца два раза в неделю звонила: дайте свои замечания, может чего-то я не усмотрела. Ничего. Были другие моменты, тоже касающиеся чисто журналистских прав, например, аккредитации в Госдуме, очень, между прочим, с далеко идущими последствиями вопрос, потому что, кто аккредитован, тот получит информацию. Там тоже явные были нарушения, тоже никто не откликнулся. Включая депутатов-журналистов. Но, тем не менее, я считаю, что, используя добрую волю, о которой я говорила, и как-то ее, если хотите, эксплуатируя, и в других комитетах, и журналисты, и профессионалы могут и должны получать проекты и влиять на этот процесс.

Когда несколько лет назад появился проект Закона "Об информации, информатизации и защите информации", три девушки, не связанные никакими обязательствами ни перед кем, посмотрели на него, пришли в ужас и стали стучаться во все двери. Стучались в двери компьютерного союза, потом стучались в двери РОЦИТа, когда он образовался, в двери других компьютерных сообществ. Показывали, что будет после введения собственности на информацию. Когда появился проект Закона "Об участии в международном информационном обмене" – история повторилась. Мы объясняли опасность предлагаемого регулирования международного обмена. А нам говорили: "Вы, конечно, правы, но вы тогда сами и напишите, а мы подпишем". Подписали. Законы есть, законы действуют, в развитие всех законов принимаются совершенно фантастические подзаконные акты, которые мы обязаны выполнять. Значит, в свое время не среагировали должным образом, и нечего пенять на власть. Потому что мы все с вами обязаны сделать так, чтобы власть поступала так, как мы хотим, а не так, как она хочет. И в ответ на ваше замечание о том, что власть не желает общаться, власть не любит этого, я могу сказать одно: да тут вообще таких категорий возникать не должно. Что значит, любит или не любит? Она должна. А для того, чтобы она выполняла то, что должна, необходимы закон, механизм реализации закона и механизм контроля. И это не только судебный или прокурорский контроль, но это еще и общественный контроль, о котором мы все время забываем.

Пойдем дальше. Закон выпущен. Например, Закон "О государственной тайне". Я за него не отвечаю, я пришла позже, но, тем не менее, готова на эту тему подискутировать. Борис Павлович Пустынцев привел пример, почему этот Закон может использоваться против интересов людей. Теоретически из-за того, что приставка "на-" исчезла. Факты есть, что он используется именно так? Для того, чтобы изменить закон, нужны основания. Первое – доказательство его антиконституционности, для этого нужно подать запрос в Конституционный суд. И второе основание – демонстрация того, что практика реализации закона оборачивается против интересов общества. Следовательно, законодатель, может быть, имел в виду что-то хорошее, но закон написан так, что его можно трактовать в негативном для общества смысле. Значит, все равно надо менять. Но у нас в комитете по поводу Закона "О гостайне", нет ни запросов о его неконституционности – они бы пришли ко мне, ни фактов, что практика применяет его таким образом, что он работает против граждан, конкретного гражданина или общества. Присылайте, тогда будут основания ставить вопрос. А сейчас только одни разговоры.

Дальше берем указы Президента. Здесь, конечно, правовых вопросов очень много, потому что непонятен статус этого нормативного акта. Но вроде бы, указ должен

закрывать область, неурегулированную законом. Замечательно. Но тогда почему возникают указы с грифом "Для служебного пользования"? В частности, в связи с вопросом о СОПМ, который поднял наш комитет, а не правозащитники. Я видела этот указ и не знаю, что там может быть для служебного пользования, кроме того, я понимаю, что указа ДСП быть не должно. Указы могут быть закрытыми, потому что и в законах, например, в законе о бюджете, есть закрытые статьи. Такое может быть как исключение. Но указы должны быть, во-первых, все открыты, во-вторых, они должны все быть доступны. А, например, законодатель получает только одну треть открытых указов Президента. Даже законодатель не знает, как Президент урегулировал те или иные моменты. Соответственно, неясно, что должно быть тогда в законе? Что касается подготовки указов Президента, то это вообще тайна за семью печатями, и возможности легального влияния на этот процесс нет никакой.

Постановления Правительства. Есть Постановление Правительства N1009, которое устанавливает порядок принятия постановлений Правительства и ведомственных актов. Там очень многое замечательно прописано: где должны быть какие реквизиты, какая служба за что отвечает, но там ничего нет по поводу экспертизы кого-то еще, кроме юридических служб собственно ведомств.

Правительство крайне редко создает рабочие группы для обсуждения своих будущих решений. И очень часто их решения не становятся решениями Правительства. То есть послушали и сделали по-своему. По-видимому, это тоже не очень хорошая практика, и изменить ее можно только законом.

Еще по поводу постановлений Правительства. Постановления Правительства не могут возникать на пустом месте. Они реализуют положения закона. Например, закон, который может касаться всех присутствующих, Закон "Об участии в международном информационном обмене". Сейчас Правительство реализует этот Закон, и в июле вышло Постановление о том, что необходимо лицензировать деятельность по вывозу государственных информационных ресурсов и ввозу документированной информации для включения в государственные информационные ресурсы. Если мне кто-нибудь объяснит, что я сейчас сказала, я готова за свои собственные деньги из своей скромной зарплаты поставить памятник. Потому что, по-моему, тут нет ни одного понятного слова. Не понятно, что такое государственные ресурсы, не понятно, что такое вывоз, потому что межгосударственный обмен определен как межгосударственные отношения на уровне Правительств. Если это касается нас с вами, то это совсем другие отношения. Не понятно, что такое документированная информация в сетях связи. Все не понятно. Но совершенно понятно одно: Министерство связи берет плату за лицензию – разрешение осуществлять эту деятельность.

Мы убедились, что "интернетовская общественность" если и не готова объединиться, то готова и умеет поднять шум. Соответственно, именно в Интернете, а не за его пределами. Шум по поводу создания технической системы для обеспечения оперативно-розыскных мероприятий в сетях связи, в том числе сетях Интернета, был поднят в результате того, что разработчики обратились к общественности, что само по себе достаточно прогрессивное явление. Ассоциация документальной электросвязи рассмотрела документы, разработанные совместно рабочей группой ФСБ и Минсвязи, не всем в этой ассоциации показалось, что все здесь благополучно, и эти документы были размещены в Интернете и опубликованы в ряде компьютерных журналов. После чего на меня лично обрушилась почта из Интернета. Мы достали эти документы и начали рассматривать. И поняли, что с 1992 года мы все с вами хлопаем ушами. Потому что эта система действует с 1992 года. Не в сетях электросвязи, но в телефонных сетях, в сетях подвижной связи. Я посмотрела эти документы и новые проекты. То, что создается возможность технического подключения к Интернету для осуществления оперативно-розыскных мероприятий, вообще говоря, нормально.

Полицейская функция есть в любом государстве, любое государство обязано ее исполнять. Поскольку возникает новая среда для преступлений, среда общественных сетей, то, соответственно, нужно на это реагировать и органам, обеспечивающим правопорядок. Вопрос – как? Меня не столько какие-то конкретные ошибки этих документов или этой концепции обеспокоили, сколько аргументация представителей заинтересованных органов: мол, вы же понимаете, что общественная опасность преступлений, затеваемых или реализуемых с помощью этих сетей, значительно больше, чем опасность нарушения чьих-то прав. Я не знаю, больше она или меньше, по-моему, гражданские права нельзя нарушать во имя чего бы то ни было, поэтому надо создавать механизм контроля за этим подключением. Но, к сожалению, его не создали ни они, ни общество. Что выясняется? Во-первых, эта система не может быть подключена постоянно к сетям, потому что в Законе "Об оперативно-розыскной деятельности" (ОРД) написано, что провайдер должен оказывать содействие в проведении оперативно-розыскного мероприятия, а не деятельности. Значит, пожалуйста, включайте тогда, когда у вас будут на это все санкции. Санкции нужны от суда в данном случае, поскольку это нарушение тайны связи, либо, в исключительных случаях, от руководителя ведомства, осуществляющего это мероприятие. Но вопрос: а кому оно предъявляется, это постановление суда? Выясняется: оно предъявляется только ФСБ. Вопрос: а как может судебная или прокурорская власть осуществлять свои функции контроля и надзора? Выясняется: никак, потому что прокуратура вмешивается только тогда, когда есть запрос о нарушении, то есть, информация какая-то о нарушении. С другой стороны, фактически непонятно, как документировать это подключение, каков правовой статус этой информации, поскольку пока у нас нет закона об электронной подписи. Ну, хорошо, сняли они какой-то файл с сети, можно ли им воспользоваться против человека, на основании чего, какие доказательства, что это вообще ему принадлежало, что это не внесенная, извините, какими-то там нехорошими людьми информация? Никаких доказательств нет. Обратите внимание на это. Поскольку против полицейской функции мы возражать не можем, то, значит, надо требовать обеспечения контроля за исполнением этой функции. И пока нет закона об электронной подписи, пока не внесены соответствующие изменения в гражданско-процессуальный кодекс, где, собственно, и должны заиграть добытые таким образом доказательства, нельзя устанавливать эти системы.

Есть еще вопрос, казалось бы, экономический, хотя он тоже с далеко идущими последствиями. В Законе "Об ОРД" написано, что вся оперативно-розыскная деятельность должна осуществляться за счет средств бюджета. И это понятно, иначе, если это будут, извините, спонсоры, соответственно, в интересах спонсора она и может производиться. Есть частные сыскные агентства, пусть они такую деятельность ведут. А здесь государственная деятельность. Уже два года действует Соглашение между ФСБ и Минсвязи о том, что эти системы устанавливаются частично за счет средств ФСБ, а частично за счет средств провайдеров, на серверы которых они и устанавливаются. Я сказала на совещании, которое у нас было по этому поводу, что это противоречит Закону. Надо либо менять Закон, либо менять систему взаимоотношений с провайдерами. Не знаю, как будет эта проблема решена. Это то, что касается ведомственных актов.

Теперь что касается Закона "О праве на информацию". Когда Закон, разработанный Судебной палатой по информационным спорам, был внесен, мы его смотрели, обсуждали на Экспертном совете и пришли к выводу, что в таком виде его вносить нельзя, потому что он лишен механизмов, то есть того, ради чего все это делается. Принципы и так всем понятны, принципы есть уже и в Конституции, и в Законе "Об информации...", а механизмов нет. Тем не менее, депутаты решили, что надо его принять в первом чтении для того, чтобы он двигался дальше. И то, что он был принят конституционным большинством, свидетельствует только об одном, по моему трехгодичному опыту работы в Думе, это свидетельствует о том, что он безопасен.

Потому что, когда хоть чьи-то интересы задеваются, обязательно кто-нибудь возразит.

О том, каким будет этот Закон, должны заботиться все, не только Виктор Николаевич Монахов, не только депутат Юрий Михайлович Нестеров, не только комитеты Думы, но и все остальные. И снова – предложений нет. У нас есть собственные предложения, и даже разработана как бы часть этого Закона об обязательности представления информации на сервер, о создании такого механизма типа информационного брокера между государством и конкретным потребителем, который бы и осуществлял услуги по предоставлению информации. Не знаю, что из этого получится, как решат депутаты.

Есть системный порок, я о нем говорила на конференции у Бориса Павловича Пустынцева целый час, писала в бюллетене "Право знать". Порок этот связан с тем, что у нас нет профессиональной юридической экспертизы. Есть свои юридические ведомства во всех ветвях власти, в них по-разному неграмотные люди, неграмотные в части рыночной экономики. Я об этом сужу по Закону "О коммерческой тайне", который мы разрабатываем. Мы получили более 400 поправок, и надо сказать, что поправки из правовых управлений, в частности, из Правительства, по профессиональному уровню выглядят бледнее, чем те, которые получены от какого-то субъекта из Тьмутаракани.

Между тем, существуют совершенно другие схемы, Например, в Швеции закон не выйдет, пока он не прошел экспертизу, по-моему, 17 юридических институтов. На Украине есть сильная юридическая служба, единая на все властные структуры, и, если эта служба против закона, закон не пойдет.

Правовое управление нашей Госдумы, с одной стороны, не имеет такой власти, а с другой стороны, там недостаточно и профессионалов, на решения которых можно опираться.

Теперь вопрос содержательной экспертизы. Если закон касается СМИ, должна быть содержательная экспертиза представителей СМИ. Если закон касается Интернета, должна быть содержательная экспертиза этого сообщества. Но ведь не может же власть работать с каждым конкретным специалистом. Мы это делаем, но это тяжкий труд. Власть должна работать с гражданскими институтами, профессиональными, общественными организациями, которые должны аккумулировать как-то мнения граждан и влиять на принятие решений властью. Но это как раз те институты, которые создаются для и в рамках лоббирования, а у нас их нет. Следовательно, требует поддержки инициатива разработки закона о лоббировании.

Вопросы и ответы

– Хотелось бы возразить по некоторым пунктам. Елена Константиновна, Вы в своем очень информативном и интересном выступлении упрекаете общественность в том, что она не пытается влиять на власть в нужном направлении. Но ведь Вы неоднократно, минимум два раза присутствовали на семинарах и конференциях "Гражданского контроля" в Санкт-Петербурге, и мы при Вас эти вопросы поднимали. Мы от "Гражданского контроля" не один раз писали письма в соответствующие комитеты Госдумы. Вряд ли справедливо упрекать общественность в полной пассивности. Очевидно, здесь дело в нежелании власти откликаться на подобные обращения и планомерно сотрудничать. Но вот, скажите, пожалуйста, кто несет ответственность за то, что не публикуются проекты законов, которые поступают в Государственную Думу, хотя бы уже на выходе их из соответствующих комитетов? Мы с вами тоже этот вопрос в Петербурге поднимали. И тоже мы на эту тему писали. Разве общественность? Я думаю, что любой ответственный депутат должен добиваться того, чтобы проект, который он будет потом обсуждать, стал достоянием общественности.

– Позвольте ответить вопросом на вопрос: почему он должен этого добиваться? В силу

своей гражданской позиции? В силу своей ответственности перед избирателями? Но зачем же мы идеализируем депутатов, я не понимаю. Необходимо поставить дело так, чтобы опубликование проекта зависело не от того, есть или нет у депутата гражданская позиция, а от необходимости исполнения закона. Кто сейчас отвечает за то, что не опубликованы проекты? Никто. Потому что о том, что проекты должны быть опубликованы, нигде не сказано – ни в Конституции, ни в законе, ни в Регламенте этого нет. В рамках деятельности комиссии Нестерова по созданию сервера Госдумы, депутаты разработали концепцию представления Думы в Интернете. Там было написано: проекты должны быть представлены. Сейчас каждый комитет обязан представлять проекты, прошедшие какое-либо чтение, то есть то, что уже является неким официальным документом, потому что до этого момента это вообще неофициальный документ в Интранете (внутренней сети, которая частично отражается во внешней). Но это не исполняется многими комитетами.

Но здесь еще один момент. По поводу того, захлебнется ли власть, если будет обратная реакция. Я вначале хотела сказать, что захлебнется, потому что мы почти захлебнулись с частью законов, имеющих общественный резонанс. Это Законы "О праве на информацию", "О персональных данных", и Закон "О коммерческой тайне". Очень тяжело, действительно. Но на самом деле, и не так много, если представить, какой должен быть этот резонанс.

Здесь другое плохо. Как правило, 50 процентов этих откликов абсолютно бесперспективные, это критика людей, которые не способны критиковать конструктивно. Либо потому, что они не понимают проблему, либо не понимают роль законодательства в этой области. Но, тем не менее, на 50 процентов – это точно полезные вещи. Захочет ли только депутат или комитет эту информацию учесть и обработать? Не могу вам тут ничего сказать. Депутат Лопатин хочет и я хочу.

Еще по вопросу об общественно значимой информации. Существует информация, по поводу которой в Конституции и законах есть обязательства информировать общество. При чрезвычайных ситуациях, например. Мне кажется, что это и есть общественно значимая информация. Это то, что все общество обязано знать. А все остальное, оно же открыто, оно общественно доступно, за исключением закрытой информации. Это не общественно значимая информация, но ее можно получать по запросу. И вот Закон "О праве на информацию" должен касаться именно такой информации, которую каждый из нас имеет право получить. Здесь механизмы могут быть разные, и думаю, что очень перспективные возможности имеют базы правовой информации, поскольку рассылать сборники законодательства в библиотеки совершенно бессмысленно.

Законодательство у нас сейчас в таких объемах, настолько противоречиво, настолько плохо структурировано, что даже юристы в нем разобраться не могут. Ну, какой смысл в библиотеку посылать? В библиотеку нужно посылать структурированные базы, с хорошим поисковым аппаратом, когда есть какие-то возможности сориентироваться, когда кто-то, проделав некую интеллектуальную работу, поможет вам в этом. И скажу еще, что такие предложения были, правда, предлагали посылать не в библиотеки, а в органы местной власти. Причем, бесплатно. Так ведь отказываются. Лишняя нагрузка.

Реплика Юрия Шмидта

В принципе, Ваше выступление очень интересное и во многом правильное, но в то же самое время в нем есть абсолютно неверно расставленные акценты. Поэтому я попросил слово, чтобы ответить сразу, пока не пропала актуальность. Я хорошо помню, когда, скажем, работал Верховный Совет, в нем был Комитет по правам человека, который возглавлял Сергей Ковалев. Этот Комитет по правам человека выделил группу правозащитных организаций, в том числе возглавляемый мной Комитет в защиту прав человека и присылал законопроекты по своей инициативе. Нам не нужно было где-то

бегать, выяснять, что там за законы готовятся, и мы с большим удовольствием ощущали свою связь с властью. Это была еще наша власть. На сегодняшний день отчуждение полное. Да, есть добрая воля депутатов, иногда Нестеров в Питере обращается ко мне как к юристу с каким-то вопросом, иногда Попов вдруг пришлет на отзыв какой-то закон. Спасибо, говорю я.

Помню, однажды меня как человека, профессионально занимавшегося проблемами ответственности за разжигание национальной розни, пригласили на слушания по фашизму, проводившиеся в прошлом составе Думы. Я был совершенно потрясен. Потому что слушания подавались как общественные, была приглашена общественность, а порядок выступлений был такой: выступают три депутата, потом дают слово одному приглашенному. Когда дошла очередь до меня (и то только потому, что кто-то там топал уже ногами и требовал: дайте же слово Шмидту), выяснилось, что тут как раз дают уже только две минуты. До этого еще пять минут давали. Вот так работают депутаты.

Беда заключается не в том, что общественность пассивна и не заявляет о себе, а в том, что у нас принято, что закон о милиции лоббирует милиция и пишет его в своих интересах, закон о ФСБ пишет ФСБ, закон о гостайне тоже пишет ФСБ и лоббирует в своих интересах. А мы где-то на ходу, иногда вдруг успеваем что-то узнать и попытаться вмешаться. Если уж отлаживать механизм, то он должен быть такой, какой, по Вашим словам, применяется в Швеции. Вот это было бы прекрасно. Чтобы существовала не одна подобранная теми же работниками ФСБ группа экспертов, а чтобы действительно было привлечено значительное количество правозащитных, экологических организаций, организаций, занимающихся проблемами связи, информатики и тому подобное.

В разрыве между властью и обществом и в невозможности общества сегодня вмешаться в законотворческую деятельность виновата исключительно власть представительная, власть исполнительная, потому что она сегодня живет сама для себя, преследует только свои политические цели и чувствует себя самодостаточной.

Вы говорите, что вам не поступало никаких замечаний по поводу Закона "О государственной тайне". А вы анализируете прессу? Скажем, мои пресс-конференции, когда я в связи с делом Никитина приводил конкретные замечания по поводу этого Закона?

В частности, когда мне случайно (только потому, что я занимаюсь сегодня делом, связанным с государственной тайной) в руки попал законопроект о поправках и дополнениях к этому Закону, и я увидел, что там предлагается засекретить все расходы на оборону и на правоохранительную деятельность, я успел отреагировать, и эта поправка не прошла, может быть, благодаря вмешательству заинтересованной общественности.

Вот лишь самые очевидные недостатки Закона "О гостайне".

Во-первых, где-то в третий абзац вкраплена маленькая фразочка: сведения о ядерных, энергетических и специальных физических установках оборонного значения. Эта маленькая фразочка сегодня дает возможность всем ведомствам, которым разрешено засекречивать информацию, отнести к государственной тайне все, что боком, краем, точкой связано с ядерными установками, с ядерными отходами и прочее.

Следующее замечание. Внесено маленькое дополнение: экспертиза по делам о разглашении государственной тайны производится в установленном порядке. Хотя я адвокат с многолетним стажем, а не столкнись я с экспертизой по уголовному делу Александра Никитина, я бы и не понял, может быть, что это такое. Но вот тут-то как раз

Попов случайно принес мне опубликованные в "Российской газете" замечания Президента по поводу Закона "О судебной экспертной деятельности", и тогда я попросил уже мне принести этот Закон, отвергнутый Президентом. А там написано, что экспертиза – судебная, заметьте, экспертиза – по делам о разглашении есть независимая и ведомственная. То есть, короче, Восьмое управление Генерального штаба монополизировало право на проведение экспертизы, потому что в Законе – то написано: в установленном порядке, а установленного порядка нет, потому что Закон "О судебной экспертной деятельности" пока не принят. Но проект этого Закона очень четко указывает, что экспертиза существует независимая и ведомственная. И вот теперь ФСБ будет и ведомственную экспертизу проводить в установленном ФСБ порядке на совершенно законном основании, если этот Закон будет принят.

Есть еще замечания, но о них мы будем говорить позднее, на отдельном круглом столе.

Реплика Алексея Симонова

С моей точки зрения, это неправда, что законодательная власть не интересуется интересами и мнениями граждан. Дело заключается в том, что эти интересы и мнения не структурированы. А там, где они структурированы, они структурированы так, что это нас не устраивает.

Ну, например, основа моих, скажем, сложностей с Комитетом по безопасности, который здесь представляет Елена Волчинская, заключается в том, что я до сих пор не понимаю, что такое информационная безопасность и каким образом в илюхинском комитете, который мне глубоко антипатичен, начиная от внешнего вида и кончая внутренним содержанием, может сидеть приличный депутат Лопатин, который выдумал себе некое ответвление, которое я не понимаю.

Дальше возникает следующая проблема. На самом деле вам удобней работать, грубо говоря, с безвестными, полуанонимными экспертизами. Шмидт предпочитает свои заявления делать на пресс-конференциях, а не сообщать их анонимно Государственной Думе. И это право Шмидта. И дело не только в Шмидте. Есть немало людей, которым значительно легче выступить, нежели структурированно написать. Эти люди не всегда могут логически выстроить свою мысль, но у них есть сравнение этого законодательного материала с той жизнью, с которой они знакомы, грубо говоря, чуть лучше, чем депутаты. Как им помочь высказаться?

В свое время в Совете Федерации возникла проблема экспертизы ряда законов об информации, информатизации и защите информации. Нам с Юрием Венедиктовичем Казаковым было поручено ее проводить. Мы собирали очень широкий спектр мнений. Мы выработывали некие рекомендации. Структурировано это было разумно, потому что приходили люди, высказывались, сидели люди, которые это могли обобщить, и это входило в их обязанность. То, что сегодня Вы предлагаете, замечательно, но абсолютно не структурировано. И поэтому Вы не получаете того, что Вы хотите, хотя это на самом деле нужно.